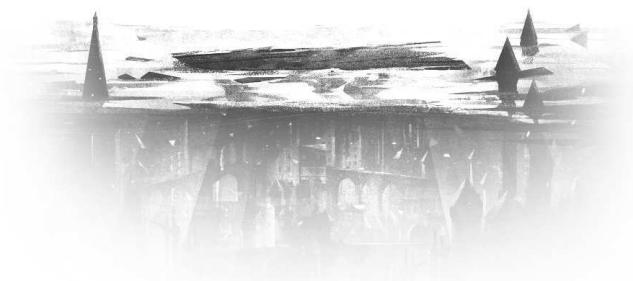

Читайте в серии:
ДЕТИ ПРИЛИВА

СТРУАН
МЮРРЕЙ

ДЕТИ
ПРИЛИВА

Москва
2022

**НАБЕРЕЖНАЯ
АГНЕЛУСА**

Часовня
Св. Варфоломея

Обсерватория
Св. Корригана

Форт Инквизиции

Рынок
Ангелуса

Надежда
Селестины

Мост
крыш

Кроличьи
норы

Университет

Площадь
Св. Ефрема

Сиротская улица

Рынок
Спасения

Рынок
неизвестного
святого

**НАБЕРЕЖНАЯ
СПАСЕНИЯ**

Башня
Змея

Шпиль Св. Эпштейна

Устричное
готовище

ГОРОД

Малая Верфь

НАБЕРЕЖНАЯ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Питадель
Инквизиции

Низины

Собор
Св. Селестины

Судебня

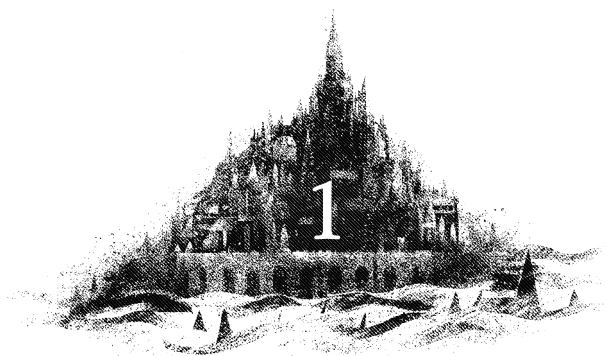
Часовая
башня Св.
Ангелуса

Собор
Лучника

БОЛЬШАЯ
ВЕРФЬ

Ланкастерская
стена

НЕЗЫБЛЕМАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ

Его последняя песнь

Город был построен на пике, невообразимым образом взметнувшемся вверх из моря, и море не оставляло попыток отвоевать его. Поднимающийся прилив заглатывал нижние улицы Города. А отлив, откатывая, выплёвывал их обратно, оставляя, однако, свой след. Свежие моллюски лепились к подоконникам. Рыбы бились на каменных мостовых. Тем серым утром, когда море отступило, на крыше обнаружился кит.

Народ толпился вдоль мола и глазел на крышу ярусом ниже.

— Это дурное предзнаменование! — вскричал старый проповедник, клубы пара от его дыхания вились в воздухе.

— Ну, не Враг же это сделал, — фыркнул моряк. — Должно быть, его прибило туда приливом.

— Он мёртв, — сказал торговец. — Как полагаешь, сможем мы продать его мясникам?

Кит лежал на брюхе, протянувшись от одного конца крыши до противоположного. Он выбросился на часовню Св. Варфоломея, крыша которой во время отлива торчала над волнами. Четыре каменные горгульи стояли каждая на своём углу, и две из них хищно впились в кожу кита. Голодные чайки с криками носились над ним.

Толпа была настолько поглощена зрелищем, что никто не заметил появления девчонки. У неё были усталые глаза и спутанные и грязные русые волосы, взъерошенные после дурно и почти без сна проведённой ночи. Она перегнулась через парапет мола, закусив губу.

— Он такой большой, что не может находиться вне воды, — сказала она, обращаясь больше к себе самой, чем к кому-либо ещё. — У него разорвались лёгкие просто от лежания тут.

Крохотный мальчонка в ужасе посмотрел на неё круглыми глазами. Он теснее прижался к матери, с опаской поглядывая на девочку. Лицо у неё было бледное, на щеке три царапины, и от неё слегка воняло фейерверками. И, того хуже, она была одета, как мужчина, причём даже не добропорядочный. Она замоталась в истрёпанный красный шарф и утопала в бушлате с капюшоном, сшитом из потрёпанной материи и тюленьей кожи.

— К-кто ты? — спросил мальчонка, губы его подрагивали.

— Я Элли, — рассеянно отозвалась девочка, роясь в карманах. Она вытащила увеличитель-

ное стекло, затем луковицу и, наконец, перочинный ножик с острым как бритва лезвием. Мальчик взял мать за руку.

— Если в скором времени не взрезать кита, — сказала Элли, подняв нож, — он взорвётся.

Мальчишка начал плакать.

— Придержи язык, девчонка! — одёрнула её мать мальчика.

— Да нет же, правда, взорвётся! — сказала Элли, взмахнув руками. — Мёртвые киты начинают разлагаться изнутри. Внутри начнут скапливаться газы, а это опасно.

Мать отвернулась и закрыла рот ладонью.

— Знаю, знаю, — сказала Элли. — Кишки повсюду. А уж вонь будет такая, что мало не покажется! Хм, — прибавила она, уставившись на перочинный нож. — Не лучше ли, пожалуй..

Элли повернулась ко второй девочке, стоявшей позади неё. На беглый взгляд она была тех же лет — двенадцати или тринадцати, с копной вьющихся рыжих волос. Огромный голубой шерстяной свитер, тяжёлые чёрные башмаки и скучающее выражение на лице.

— Анна, мне нужно, чтобы ты сбегала в мастерскую и принесла мою фленшерную лопату¹, — сказала Элли.

— Что такое фленшерная лопата? — позёвая, спросила Анна.

¹ Фленшерная лопата — резак для разделки китовых туш, действительно по форме напоминает лопату, насаженную на очень длинную рукоять.

— Острое лезвие на конце длинной жерди, — объяснила Элли. — Она висит на чердаке, за книжными шкафами, между телескопом и ружьём.

— У тебя есть ружьё? — с неожиданным интересом спросила Анна, подавшись вперёд. — А пули есть?

— Поспеши, будь добра! — прикрикнула Элли, и Анна, закатив глаза, поплелась вверх по улице.

Элли вскочила на мол, а затем спрыгнула с другой стороны. Когда, пролетев метра три, она приземлилась на крышу часовни, толпа ахнула.

— Что она вытворяет? — воскликнула женщина.

Элли пошла по крыше, вытянув для равновесия руки в стороны, словно канатоходец. Глаза кита были закрыты, веки испещрены морщинами и складками, как у старика. Девочка встала на колени и осторожно провела рукой по китовому боку. Шершавая кожа была усажена белыми балянусами¹ и изрезана перекрещивающимися шрамами.

— Что здесь происходит? — раздался голос сверху. Элли подняла глаза и увидела, как через толпу проталкивается парень из городской стражи, долговязый и лопоухий, в чёрном плаще поверх тёмно-синего кителя.

¹ Балянусы, или морские жёлуди — усонogie рачки, чья известковая раковина напоминает жёлудь.

— Там на крыше кит, — сказала какая-то женщина.

— И вон к нему девчонка спустилась, — добавила другая.

— Что? — воскликнул стражник, и тут он посмотрел вниз и увидел на крыше Элли. — Что... что она делает? — Он хлопнул себя ладонями по голове. — Осторожно, мисс! Этот кит вас слопаёт!

— Киты не едят людей, — со вздохом сказала Элли, но никто её не услышал. Все наперебой силились перекричать друг друга.

Массивное китовое тело под её рукой поднялось и опало, как будто в судорожном вздохе.

Он ещё жив!

Элли огляделась по сторонам, гадая, не удастся ли столкнуть кита обратно в воду. Корабль, пожалуй, мог бы стащить его с крыши, но только с наступлением прилива, а до него ещё несколько часов.

— Прости, — шепнула она. — Увы, я ничем не могу тебе помочь.

Но едва она заговорила, ей почудилось, будто из китового нутра доносится слабый звук. Толпа гомонила так, что невозможно было сказать наверняка.

— Отойди от него! — орал стражник, хотя сам спуститься вниз боялся.

— Думаю, тебе нужно её оттащить.

— Эй, кто-нибудь, позовите Инквизицию!

— Пожалуйста, я пытаюсь слушать, — сказала Элли.

— Проповедник говорил, что киты дышат пламенем.

— Пожалуйста! — завопила Элли, но никто не обратил на её слова никакого внимания. Она вытащила из кармана какое-то устройство размером с монетку, завёрнутое в пожелтевшую бумагу. Резким движением кисти она шваркнула его об мол. Раздался треск, грянула вспышка, и дебош отчаянно голосящих чаек разлетелся. Толпа отшатнулась, прикрывая глаза руками и смолкнув в ошеломлении.

Элли воздела руку.

— Слушайте, — сказала она.

И все прислушались.

И в тишине они услышали накатывающий звук.

Это был кит.

Кит пел.

Звук вздымался и опадал монотонными и мелодичными раскатами, резонирующими из самого нутра животного. Элли доводилось слышать, как поют киты, но только не над водой. Она полагала, что это какой-то элемент брачных игр, но вот перед ней лежал умирающий кит и пел, невозможно даже представить кому.

Все слушали с благоговением, минута за долгой минутой.

А затем кит открыл один глаз.

— Невероятно, — прошептала Элли. Глаз был тёмно-синий, как холодное море. Он смотрел прямо на неё — в этом девочка могла поклясть-

ся, — и она забыла обо всём, кроме его взгляда и этой песни. В эти несколько дивных мгновений глубокая нутряная боль будто бы отпустила её.

Песня делалась всё тише, словно уплывая за горизонт. Глаз закрылся. Хвост перестал шевелиться.

И всё смолкло, даже море.

— Я принесла! — торжествующе провозгласила Анна, прокладывая себе дорогу к молу, подняв высоко над головой фленшерную лопату. Народ повернулся и уставился на неё. — А что такого? — спросила она, протянув лопату Элли черенком вперёд.

— Что ты хочешь сделать? — выкрикнул стражник.

Элли указала на брюхо кита.

— Мне придётся взрезать его ближе к хвосту. Таким образом газы не будут накапливаться внутри туши.

Элли упёрла лезвие в одну из борозд, продольно пересекавших белое брюхо кита, и нажала. Кожа была крепкая и толстая, и скоро от усилия у неё выступил пот. Наконец лопата взрезала кожу, и Элли едва удержалась на ногах, когда лезвие погрузилось в мягкие внутренние органы. Зловонный запах поднимался из раны, и Элли задержала дыхание. Она провела фленшерной лопатой вверх и вниз, взрезая бок животного. Плоть разошлась, из отверстия вывалились пурпурные кишки.

— Ого, только погляди, сколько кровищи, — вскрикнула Анна. — Можно и мне попробовать?

— Пахнет ужасно, — сказала Элли. — Но если ты хочешь. Только...

Она осеклась.

— Анна, что такое? — спросила она.

Лицо Анны исказилось, глаза недоверчиво вытаращились.

— Спаси и помилуй, — пробормотал стражник, зажав рукой рот.

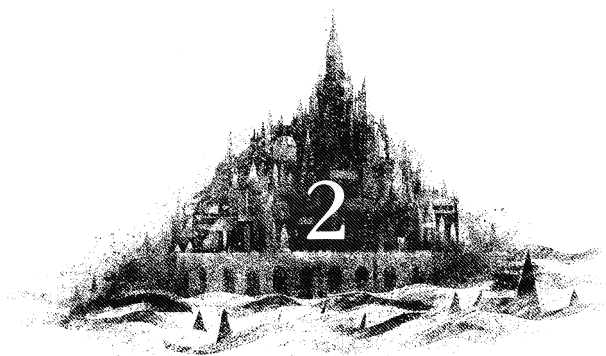
По толпе пробежал растерянный шёпот. Одна пожилая дама закричала. По неведомой причине Элли почувствовала, что не в силах шевельнуться.

Она закаменела. Фленшерная лопата выскользнула у неё из рук и упала. Она посмотрела вниз.

Что-то схватило её за щиколотку.

Костлявое, дрожащее, липкое от крови.

Рука, выскользнувшая из взрезанного кита.

Из чрева кита

Старик проповедник потряс в воздухе кулаками.

— Оный вернулся, — завизжал он и помчался вдоль мола к забирающим вверх улицам. — Враг вернулся!

— Ох, нет, ох, нет, ох, нет, — твердила женщина, сжав висящий на груди символ св. Селестины. Юноша без чувств упал на мостовую.

— П-пожалуйста, сохраняйте сп-покойствие, — заикаясь, распорядился стражник. — Нет причин паниковать!

Элли же была способна лишь на одно — тарщиться на руку.

Та вцепилась в её щиколотку леденяще холодной хваткой. Когда девочка отдёрнула ногу, ладонь тяжко хлопнула о черепицу, оставив на носке кровавый отпечаток. Элли сглотнула и встала на колени, чтобы рассмотреть ладонь

и руку, к которой она присоединялась. Ладонь шарила по крыше, словно ища, за что можно схватиться. Поджарая и жилистая рука уходила в тело кита и исчезала между мясистыми пурпурными органами.

— Эй!

Обернувшись, Элли увидела, что Анна перелезает через парапет мола.

— Стой! — закричал стражник, протискиваясь сквозь толпу по направлению к Анне. — Ну-ка вернись! — Он рванулся к ней и сумел схватить за шерстяной свитер.

Элли дотронулась до руки кончиком пальца. Она дёрнулась прочь, как пугливый зверёк. Элли сделала глубокий вдох, а затем схватила руку. На ощупь она была липкая и словно покрытая струпьями. Упёршись пятками в крышу, девочка потянула.

Рука перестала вырываться, пальцы её переплелись с пальцами девочки. Элли не хотела тянуть слишком сильно, опасаясь того, что человек может застрять, зацепившись за что-то внутри. Но предплечье появилось без труда.

Затем появилось плечо, тоже худое и окровавленное.

Затем спутанные чёрные волосы. Голова. Лицо. Мальчик, жадно ловящий ртом воздух.

Толпа слаженно вскрикнула. Анна вывернулась из рук стражника, спрыгнула с мола и сползла к Элли. Она изумлённо уставилась на мальчика.

— Что это?

Мальчик вывалился на крышу, следом за ним протянулись китовые кишки. Он был совершенно голый.

— Ты умираешь? — спросила Элли, передёрнув плечами. Его глаза были закрыты, и, похоже, он не мог дышать. Его открытый рот захватывал воздух, но можно было подумать, что он прежде не сделал ни единого вдоха.

— Я думаю, он умирает, — сказала Анна.

— Посмотри на меня! — велела мальчику Элли. — Открой глаза!

Но он просто метался из стороны в сторону, нескладно раскинув руки и ноги. Элли придавила плечи мальчишки, чтобы удержать его на месте. Кожа была липкой и пахла железной стружкой.

— Держи его за ноги! — крикнула она, и Анна плашмя навалилась на лежащие ноги. Элли уселась ему на грудь, и его ногти слепо цеплялись за её бушлат. Скривившись, она положила ему на веки подушки большого и указательного пальцев и подняла их. Глаза таращились ввысь и закатывались, как у обезумевшей от запаха крови акулы.

— Посмотри на меня, — сказала Элла.

Мальчик зарычал.

— Посмотри на меня!

Его глаза дёрнулись вниз, взгляд нашёл её. Элли ахнула.

Серо-голубые. Цвета морозного моря.

Она с силой заморгала, пытаясь собраться с мыслями.

— Послушай, — сказала она как можно более спокойным голосом. — Мне нужно, чтобы ты повторял за мной.

Она медленно вдохнула через нос, преувеличенно присвистывая, и прижала руку к груди, чтобы показать, как она вздымается и опускается. Она тихонько выдохнула через рот, глядя, как он пытается скопировать то, что она делает. Но его ноздри разве что неуверенно вздрогнули. Не сработало.

— Держи его ровно, — велела она Анне. Она встала рядом с мальчиком на колени и зажала ему нос, не отпуская пальцев, даже когда он яростно затряс головой. Она прижалась губами к его губам и выдохнула полной грудью ему в рот.

Женщина на молу завизжала.

— Что вы делаете! — закричал стражник. Он наконец сумел сползти на крышу, но стоял столбом, парализованный страхом. Элли подняла голову, чтобы сделать вдох, затем снова прижала рот ко рту мальчика. Всё это время он не сводил с неё круглых глаз. Сделав третий глубокий вдох, она поделила с ним выдох, а затем четвёртый и пятый.

А когда она сделала шестой вдох, рот мальчика открылся, и он втянул воздух, наполняя до краёв лёгкие. Элли от облегчения рассмеялась. Поначалу мальчишка дышал глубоко и преры-

висто, затем его дыхание ускорилося, он стал жадно глотать воздух.

— Помедленнее, — предостерегла его она и, чтобы напомнить ему, сама задышала медленно. — Вот так. А теперь встань и положи руки на бёдра, смотри, как я делаю. Это откроет твои лёгкие.

Он напряжённо смотрел на неё, на лице его застыло резкое и угрожающее выражение. Постепенно он, казалось, понял её и упёр руки в бёдра. Элли опустила взгляд, чтобы проверить, что он всё делает правильно, и тут же закрыла глаза руками.

— Извини! — сказала она. Она забыла, что он голый. — Э... э... Кто-нибудь, принесите нам полотенце!

Толпа отшатнулась. Молодой стражник тарашил глаза на кровь, и лицо его делалось всё более пепельным. Элли вздохнула и сняла с шеи шарф.

— Вот, — сказала она. — Ты можешь обернуть этим... свою талию.

Мальчик уставился на полотнище, растерянно моргая.

— Я сделаю это! — сказала Анна, выхватила шарф из рук Элли и подбежала к нему.

— Анна, будь осторожна!

Глаза мальчишки вспыхнули, он прыгнул к Анне, схватил за плечи и оттолкнул. Анна налетела на Элли, а мальчик пошатнулся. Ноги, похоже, плохо держали его.

— Прочь! — хрипло проорал он и привалился к киту.

— Ты можешь говорить! — вскричала Элли, помогая Анне подняться на ноги.

Мальчик поднял Эллин шарф. После мгновенного колебания он обернул его вокруг талии и завязал на боку.

— Как ты... — Элли запнулась. — Что ты делал... Почему ты был внутри кита?

Но мальчишка не слушал. Он обернулся и глядел на разрез на туше кита, очевидно, совершенно не смущаясь запахом. Он заметил толпу, в ужасе уставившуюся на него. По телу его пробежала дрожь, и Элли вспомнила, какой холодной на ощупь была его кожа.

Выцветший синий китель шлёпнулся у её ног. Молодой стражник стоял на отдалении нескольких метров. Он старательно отводил глаза от покрытого кровью мальчика, крепко зажимая рот ладонью.

— Спасибо, — сказала Элли. Она подошла к мальчику, и тот напрягся и сжал кулаки. Она сделала ещё один шагок, выставив куртку перед собой. Он был худой, но выглядел поджарым, с каждым вздохом грудь его взымалась. Элли осторожно подошла к нему сбоку и накинула китель ему на плечи.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Мальчик открыл было рот, закрыл его и, казалось, был смущён тем, что при этом не прозвучало ни слова.

— Я думаю, нам стоит назвать его Сиф, — сказала Анна.

— Он не щенок, — запротестовала Элли.

— Это хорошее имя. Звучит, как прибор.

Элли пожала плечами.

— Что ж, пусть так, сгодится, пока ты не вспомнишь своё настоящее имя. А моё имя — Элли, — прибавила она. — Элли Ланкастер.

Она протянула мальчику руку для рукопожатия, но он уставился на неё, никак не ответив на жест.

— Так, давай сотрём с тебя китовую кровь. — Элли достала из кармана носовой платок и смочила его водой из своей фляги. — Ты не против? — спросила она, поднеся платок к лицу мальчика.

И снова он ничего не стал делать, и Элли истолковала его бездействие как знак согласия. Аккуратными движениями она протёрла его лоб, щёки, подбородок, явив лицо мальчика примерно одних лет с ней и Анной. В чертах его не было изъяна, кроме крохотных морщинок в уголках глаз, будто он часто улыбался, и одной единственной морщины, пробежавшей по лбу, будто и хмурился он тоже нередко. У него были густые чёрные брови и спутанные и влажные от крови чёрные волосы. У него был нос с горбинкой, широкие скулы и кожа цвета гречишного мёда. Его глаза цвета моря пристально глядели на Элли, и девочка чувствовала, что не может отвести взгляд.

Анна толкнула её плечом.

— Уф! Ладно, э, нам нужно отвести тебя в какое-нибудь тёплое место.

Мальчик поглядел на свои руки.

— Где я? — спросил он. Голос у него был, как наждачная бумага.

— На набережной Ангелуса¹, — сказала Анна.

— Набережной... — повторил он. — Набережная чего?

Похоже, у мальчишки в голове всё спуталось.

— Города.

— Какого города?

Элли уставилась на него в смятении и даже испуге. Город был один.

Она указала вверх, чтобы он посмотрел на высящийся над их головами Город. Горообразное нагромождение древних зданий, кишачее крикливыми чайками. Взгляд мальчика скользнул по трубе, по горгулье, вдоль поднимающихся зигзагом улиц и лестниц, прорезанных с вершины горы до самого моря. Он поглядел в сторону горизонта и тут вздрогнул.

— Что это за шум? — спросил он. — Откуда исходит этот шум?

Он зажал ладонями уши и стиснул зубы. Анна и Элли переглянулись.

— Где мои братья и сёстры? — спросил он.

¹ Ангелус — католическая молитва, получившая название по первым словам: «Ангел Господень возвестил Марии...».

— Э... — Элли почесала в затылке. — Я... я не знаю...

На молу началась какая-то суматоха. Элли слышала, как старик проповедник спускается с верхних ярусов улиц, самодовольно и пронзительно голоса.

— Это Враг! — вопил он. — Я как раз проводил похоронную службу в церкви Св. Горация, понимаете, магистр инквизитор, когда услышал весь этот гвалт.

— Что происходит? — спросил Сиф.

— Сюда идёт Инквизитор, — промолвила Элли, нервозно ковыряя прореху в рукаве бушлата. — Но не переживай, всё обойдётся. Если только это не...

Народ расступился. Торопясь отойти от вновь прибывшего, люди налетали друг на друга.

— О нет, — проговорила Элли.

Мужчина мощного телосложения появился на молу, возвышаясь над всеми окружающими. На нём была чёрная шинель из тюленьей кожи, спадавшая до щиколоток, на груди — серебряная цепь. У него были крепкая шея и широкие плечи, а бледное одутловатое лицо омрачала тень давно утраченного благообразия. Глаза у него были бездонные, чёрные, как пропасть, и совершенно ничего не выражающие. Он выглядел как мертвец, которому даже смерть была нипочём.

Сиф поднял одну бровь.

— Кто это?

— Это... — У Элли пересохло во рту, — Инк-визитор Харграт.

— Я как раз прибыл на место, — продолжал верещать проповедник, — когда этот мальчик выкатился из кита. Сие может быть лишь делом рук Врага.

— Замолчи, — пророкотал Харграт. — Это мне судить.

Плешивый карлик упал перед Харгратом на колени.

— Святой Киллиан! — вскричал он. — Сохрани нас!

— Встань на ноги, — отрезал Харграт. — Я ещё не святой. Только мёртвые могут быть святыми.

Он сиганул через мол, и его чёрные башмаки проскребли по черепице, когда он приземлился на крышу. Его взгляд метнулся от Сифа к дыре в теле кита и обратно.

Он сделал два шага в направлении Сифа, но затем на мгновение замер и немного отступил назад. Странно было видеть, как этот чудовищной наружности мужчина заколебался перед лицом тощего, едва одетого мальчишки, и всё же Элли была почти уверена, что в мёртвых глазах Харграта промелькнул страх. Правой рукой Харграт неосознанно потёр пустой левой рукав своей шинели, который был сложен пополам вдоль тела и сколот серебряной булавкой. Руку, что должна была находиться в этом рукаве, он потерял уже давно.

— Чего тебе нужно? — спросил Сиф. Говорил он как взрослый, серьёзным и властным тоном.

— Что ты делал внутри этого кита? — спросил Харграт.

— Сэр. Мальчик не сделал ничего дурного, — поспешно встряла между ними двумя Элли. — Он застрял внутри этого кита, и мне пришлось его вызволить.

Харграт будто и не слышал Элли, да и не видел её вовсе. Его глаза бесстрастно скользнули по Сифу, можно подумать, мясник примеривается, как лучше разделать тушу.

— Ты видишь его, мальчик? — негромко прорычал он.

Сиф нахмурился.

— Вижу кого?

— Врага.

— Кого?

— Бога, Потопившего Богов. Оный ведь говорил с тобой, так? Это ведь оный спас тебя из этого кита?

— Это я спасла его из чрева кита, — сказала Элли. Но Харграт по-прежнему не обращал на неё никакого внимания.

— Только Сосуд способен выжить внутри кита, — провозгласил он.

— Что такое Сосуд? — спросил Сиф.

— Ты, — отвечал Харграт.

— Это просто смешно, — сказала Элли. — Что Сосуду делать внутри кита?

Рука Харграта скользнула к рукояти меча. Элли резко втянула носом воздух. Тело Сифа напряжённо застыло, руки сжались в кулаки.

Харграт потянулся мимо меча в карман шинели. Он достал небольшой пистолет, и Элли едва успела вскрикнуть, как он нацелил его на Сифа и нажал на курок.

— Нет!

Звука ружейного выстрела не было, только хлёсткое шипение, и что-то с глухим толчком воткнулось в шею Сифа. Сиф схватился за металлический дротик, торчавший из плоти почти на десяток сантиметров. Он упал на колени. Элли подхватила его, но он тяжело обмяк, глаза его закрылись, и он выскользнул у неё из рук и упал на черепичную крышу.

— Что вы с ним сделали?! — закричала она, прижав два пальца к шее мальчика, сразу под подбородком, чтобы проверить пульс.

Харграт вернул пистолет обратно в карман.

— Это успокоительное, — сказал он. — Величайшее изобретение твоей матери. Если Сосуд находится без сознания, он не может попросить Врага спасти его, пока мы сжигаем его на костре.

У Элли скрутило живот.

— Он не Сосуд, — сказала она. — Вы совершаете ошибку.

— Не испытывай моё терпение, Ланкастер. — Он отпихнул Элли от Сифа, подбежавшая Анна подхватила её. Харграт с лёгкостью поднял Си-

фа одной рукой, перекинул через плечо и зашагал обратно к молу. Элли побежала вдогонку, сердце её колотилось.

— Это неправильно! Он никакой не Сосуд, он просто мальчишка. Вы... вы перетрусили из-за маленького мальчика! Трус!

Харграт остановился. Он посмотрел вверх на столпившихся людей, которые следили за ним, зажав рты руками. Он без церемоний уронил Сифа перед собой, и толпа подскочила, словно мальчишка был подожжённой петардой. Развернувшись на месте, он зашагал к Элли. Выбросив вперёд руку, он схватил её за шею и заставил отступить к самому краю крыши.

— Тебе никогда не доводилось лицезреть Врага, дитя, — сказал он, приподняв её, так что они оказались нос к носу. — Но мне довелось. Я видел, как оный выметнулся из Сосуда. Оный оторвал мою руку, хотя я в тот самый миг пронзил мечом горло оного. А мои друзья пали за смертью вокруг меня. Я вижу это до сих пор, стоит только закрыть глаза. А самое худшее... что я знал его, тот Сосуд. Это был хороший человек, добрейшей души. Однако из него явилось кошмарное существо.

Харграт ещё крепче сдавил шею Элли. Она отчаянно хлестала его руку, кашляя и пытаясь вздохнуть.

— Любой может быть Сосудом, — сказал он.

Краем глаза Элли увидела, как Анна налетела на Харграта, но, отброшенная простым толчком

плеча, полетела кубарем. Перед глазами у Элли замелькали белые точки. Мысли её спутались.

— Любой. Маленький мальчик. Маленькая девочка. И я убью любого из них, чтобы сохранить Город.

С этими словами он улыбнулся и сбросил её в море.

Из дневника Клода Хестермейера

После похорон я не знал, чем себя занять. Я вышел из собора Св. Горация и вернулся пешком в мой пыльный кабинет в университете — кабинет, который мы делили с Питером. Я сел за свой стол и не мог отвести глаз от его пустого кресла. Моё сердце сжалось, сделавшись твёрдым зелёным яблоком в моей груди.

Я был так растерян, что не сразу заметил мужчину, стоявшего в дверях. Лица его я не мог разглядеть. Отчего-то на нём была чёрная вуаль.

— Прошу прощения, — обратился я к нему. — Я ценю, что вы пришли принести свои соболезнования, но я сказал всё, что мог, на похоронах Питера. А теперь я прошу оставить меня в покое.

— Профессор Клод Хестермейер, — глубоким голосом проговорил мужчина.

— Да, это моё имя, — отвечал я. — То, что вы его знаете, не извиняет того, как грубо вы ворвались в мой кабинет.

— Ты не узнаёшь мой голос?

Нет, я не узнавал, однако я заметил, что пальцы мои дрожат, а по спине пробежал холодок.

— Сэр, боюсь, я должен настоять на том, чтобы вы оставили меня одного, — потребовал я.

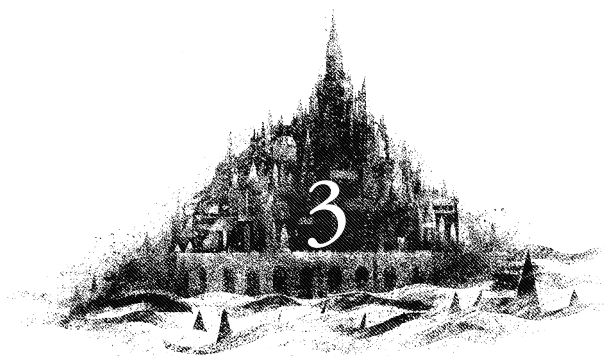
— Данное соглашение не позволяет подобно-го, — сказал мужчина.

— Соглашение? Какое соглашение? Это какая-то недобрая шутка? Питера Ламбета сегодня кремировали — имейте же совесть!

Горячие слёзы пролились по моим щекам. Я встал и обошёл свой стол, приготовившись при необходимости применить силу. Но прежде чем я подошёл к мужчине, тот отбросил вуаль с лица.

Карандаш, который я сжимал в руке, переломился.

Передо мной стоял мой дорогой друг Питер Ламбет.

Мальчишка в зелёном камзоле

Сверху до Элли доносились далёкие крики. Морская вода наполнила её рот.

Падая, она задела ногой край крыши, разорвав штаны и ссадив кожу. Её передёрнуло, когда морская соль разъела ранку.

Она заглянула в мутные глубины. Призрачные шпили и крыши маячили во мраке, словно подводный горизонт. Большая часть Города давным-давно ушла под воду.

Элли, барахтаясь, пыталась подняться к поверхности, но её тяжёлый бушлат тянул её вниз. Она обругала саму себя — вечно карманы полны всякой всячины! Она набивала их гаечными ключами и компасами, телескопами и маслёнками, перочинными ножами и спичками. Дымовая шашка и карманные часы проплыли мимо

её головы. Она собиралась уже вывернуться из бушлата, когда услышала зычный и влажный шлепок. Она подняла голову, и сердце её радостно ёкнуло.

Древко фленшерной лопаты!

Откуда только силы взялись! Элли схватила рукоять, и тотчас её потащило вверх. Звуки надводного мира оглушили её, неожиданный свет слепил глаза. Пока она отплёвывалась и хватала ртом воздух, кто-то втащил её на крышу часовни.

— Элли, — воскликнула Анна, рухнув рядом с ней. Тут же был и молодой стражник, сжимавший в руках фленшерную лопату.

— Харграт забрал мальчишку, верно? — проговорила Элли. Она закашлялась, из уголка губ потекла струйкой морская вода.

Анна кивнула. С немалым усилием Элли поднялась на ноги.

— Элли, сядь, или ты сблюёшь, — сказала Анна, торопливо отступив назад.

Но Элли замотала головой. Она утёрла рот тыльной стороной ладони, и, пошатываясь, шагнула вперёд, волоча оковы намокшей одежды. Она протянула руку стражнику.

— Спасибо, что спас меня.

Стражник опасливо поглядел на протянутую ладонь. Это была та рука, которой она только что утёрла рот.

— Тебе нужно вернуться в мастерскую и переодеться, — заявила Анна, снимая водоросли

с шеи Элли. — Ну-ка, дай я возьму это, — прибавила она, потянув за промокший и капающий бушлат.

— Нет, со мной всё хорошо, — буркнула Элли, строптиво кутаясь в своё пальто.

— Ты простудишься! — настаивала Анна.

— Ну ладно, ладно, — сказала Элли и раздосадованно скинула бушлат. — Но я пока не могу вернуться в мастерскую, я иду в Цитадель Инквизиции. Кто-то должен вступить за мальчика. Он не Сосуд!

— Элли, если Инквизиция хочет его убить, нам лучше не вставать у них на пути.

— Но Сосуд всегда знает, что он Сосуд, в этом сходятся все книги, что я прочитала, а этот мальчишка не знал даже собственного имени! И вдобавок Сосуд выглядит болезненным, а Сиф казался вполне здоровым. Ну, если забыть обо всей этой крови. А теперь послушай внимательно, мне нужна твоя помощь в очень важной миссии.

Анна наострила уши. Отправляя Анну с поручением, нужно было, во-первых, ни в коем случае не называть его поручением, а во-вторых, приукрасить немного, наобещав встречу с матросами. И ввернуть потасовку, если получится.

— Мне нужно, чтобы ты пошла на Большую Верфь и разузнала, вдруг кто-то из моряков слышал о мальчишке, упавшем с корабля и, может, проглоченном заживо китом.

— Зачем? — осведомилась Анна.

— Потому что, если мы сумеем узнать, кто Сиф на самом деле, это поможет очистить его имя. Но будь осторожна — в доках сегодня моржовые бои, а они могут закончиться потасовкой.

Это была ложь, но она отлично сработала: Анна развернулась и рванула прочь. Элли похромила вслед за ней, хлопая башмаками при каждом шаге. Она прошла мимо кита, глаз которого был смиренно закрыт. Одна из горгулий, придавленная его хвостом, грозила обвалиться и рухнуть в море. Забавно, что и она изображала кита.

«Голубые глаза», — подумалось Элли, и девочка содрогнулась при мысли о том, что в эту минуту, быть может, происходит с Сифом. Что, если Инквизиция уже решила, что он Сосуд, и в этот самый миг его бросают в огонь? Она заторопилась, вскарабкалась на мол, протолкалась через толпу и побежала по мощёной улочке вверх.

Утренняя сутолока дел шумела и кипела вокруг бежавшей по Городу Элли. На рынке Ангелуса покупателей было битком, они задорно торговались то у одного прилавка, то у другого. На крышах рядами несли дежурство голодные чайки, в воздухе крепко воняло рыбой. Три бородатых музыканта тянули печальную мелодию на своих виолончелях, а пожилая дама из высокого окна осыпала их язвительными замечаниями и турнепсом, требуя, чтобы они сыграли что-нибудь духоподъёмное. Уличный фигляр в серой рубахе и вспученной валяной шляпе

развлекал фокусами стайку хлопающих в ладоши ребят, которые возрадовались ещё громче, когда трюк не заладился и белёк, которого фокусник пытался вытащить из шляпы, выпрыгнул сам и цапнул хозяина за палец.

Элли замедлила шаг, потирая ссадину на ноге. Её всё ещё жгло от солёной морской воды.

— Нелли! — окликнул её весёлый голос.

Она подняла голову и скривилась. Улыбающийся мальчишка, одетый в травянисто-зелёный камзол и чёрный плащ, вприпрыжку направлялся к ней.

— Ты мокрая, как мышь, — сказал он, оглядывая её с головы до пят. У него были золотистые локоны, россыпь веснушек на щеках и ярко-голубые глаза, которые пристально смотрели на неё. Он был немного младше Элли и такой смазливый, что напоминал вытянувшегося и переросшего детскую пухлость херувима; такого ангелка забаловала бы любая мать, а любой священник с радостью переставил бы в первый ряд хора.

— Да я плавала, — отвечала она делано жизнерадостным голосом.

Он заметил прореху на её штанах и озабоченно нахмурился:

— Ты в порядке?

— Полном. — Элли глубоко вздохнула. — Чего тебе надо?

— Ох... — Мальчик, казалось, был удивлён Эллиной резкостью. Он перебирал пальцами

серебряную цепочку у себя на шее, с которой свисало множество побрякушек: ключи, ракушки и оловянные фигурки. — Ну, я слышал, что из кита появился какой-то мальчишка.

— У меня нет на это времени, Финн, — бросила Элли и поспешила вверх по улице.

Она прошла мимо священника в чёрной рясе, который, стоя на деревянной платформе, возвышал голос к небу.

— Не верь ближнему своему! — кричал он. — Ибо Великий Враг может скрываться за его очами. Не верь ни родным своим, ни себе самому. Но не страшись! Пускай боги сгинули, но святые не оставили нас своими заботами и послали нам Инквизицию — смелых сердцем людей, что сохранят нас от нас самих.

— Как ты объясняешь то, что он мог там дышать? — спросил Финн, в два прыжка нагнав Элли.

— Где?

— В ките, разумеется!

— Ох, я не знаю, Финн. Может, он выставил соломинку в дышло?

— Незачем огрызаться, мне просто любопытно. Где он теперь?

— Харграт забрал его, — сказала Элли. — Он считает, что мальчишка — Сосуд.

— Ой, мне так жаль. Могу я помочь чем-то?

— Нет, — отрезала Элли. — Я иду, чтобы поговорить с инквизиторами.

— Девчонка! ДЕВЧОНКА! Немедленно ступай сюда!

Старик шкандыбал сквозь сутолоку рыночной площади, тяжело дыша и прижимая к груди большущее механическое приспособление. Оно напоминало вроде как металлического краба, но только размером краб был с небольшую свинью. Он сердито зыркнул на Элли. Стёкла его очков были такие толстые, что увеличивали глаза вдвое против нормального их размера.

— А теперь послушай меня: эта твоя машина для ловли устриц сломана, и каждую минуту, что она простаивает, я теряю деньги из своего кармана.

— Боюсь, что прямо сейчас я очень занята, сэр, — вежливо отвечала Элли. — Знаете, этот кит...

— Кит? — крикнул старик. — Плевать мне на китов! Устрицы, девочка, устрицы! Значит, раз ты построила эту машину, ты её и почини!

Она вздохнула.

— Не я строила эту машину.

Старик сощурился:

— Но ты же Ханна Ланкастер, так? Изобретательница?

— Я Элли. Её дочь.

— Ох, — он поправил очки на носу, — ты, кажись, была покороче, как мне помнится. Так где мне найти твою мать?

— Нигде. Она уже пять лет как умерла.

— Ох, — снова протянул старик и в удивлении качнулся назад на каблуках, — что ж, хм. Мне всё равно нужно починить эту машину! И я жду, что ты это сделаешь.

Элли нахмурилась, глядя на пик Города. Каждая секунда промедления грозила Сифу опасностью.

— Вот беда, что она померла, однако ж, — пробубнил себе под нос старик. — Сомневаюсь, что мы ещё увидим такое дарование.

Со вздохом Элли подхватила устрицеловку и положила её брюхом кверху на мостовую.

— Я могу тебе помочь с ней, если хочешь, — сказал Финн, но Элли не обратила на него никакого внимания. Она выловила в кармане мокрых брюк отвёртку, вставила в подбрюшье устрицеловки и приподняла металлическую панельку. Заглянув внутрь, она повертела многочисленные шестерёнки, составлявшие внутренности аппарата.

— Заклинило... — пробормотала она.

Порывшись в карманах, она вытащила латунный ключ, грецкий орех и, наконец, длинные щипчики. Прикусив от старания язык, она извлекла причину поломки — поблёскивающую, бледную, как лунный свет, жемчужину.

— Это моё! — брякнул старик. — Машина-то моя, так что отдавай сюда!

Элли подняла глаза к небу, но уронила жемчужину в подставленную руку.

— Вот, пожалуйста.

Она покрутила ручку на спине устрицеловки, заводя её до тех пор, пока шесть ног не задёргались, а затем поставила машину на мостовую. Она побрела по камням, собирая воображаемые устрицы двумя своими крохотными руками.

— Пока! — крикнула Элли, нырнув обратно в торговые ряды между девчонкой, ведущей козу, и тачкой со свежими сардинами. К сожалению, потерять Финна ей не удалось.

— Я мог бы починить её вдвое быстрее, — самодовольно заявил он. — Слушай, а помнишь, как я помог тебе построить лодку? Ту, что плавает под водой? Вот, правда, надо нам её как-нибудь починить.

Элли резко забрала налево. Четверо коренастых мужчин спускались по улице, неся на доске мёртвую тигровую акулу с безвольно раззявленным зубастым ртом. Элли проскользнула мимо них, Финн же остался с другой стороны.

— Так что этот мальчик, — сказал он, снова поравнявшись с ней, — на что он годен? Он что же, умён или что? Ты же не надеешься найти мне замену?

— Замену? — отозвалась Элли. — Ты для меня ничто.

Финн заулыбался, покачав головой, как будто она удачно пошутила.

— Ну, так зачем тогда ты пытаешься спасти жизнь этого мальчишки? Ты прям взвинченная вся, Нелли. Что тебя так взбудоражило?

— Да то, что он не сделал ничего дурного.

Элли протиснулась между людей, охотно толпившихся у ног ещё одного проповедника.

— Друзья мои, знайте же — когда бы ни вернулся Сосуд, отважная душа выйдет на бой и, уничтожив оно, займёт своё место среди сонма святых. Кто знает, им может быть один из вас.

Толпа уболаготворённо заохала.

— Эй! — закричал высокий медно-рыжий юноша, торжествуя приплясывая на краю сборища. — Знаете что? Его же нашли! Взаправду нашли!

— Чего? — пробухтела, нахмурившись, какая-то старуха.

— Сосуд! — вскричал молодой человек, возбуждённо ероша собственные волосы. — Харграт вот только что поймал его! Он воистину святой!

Толпа возрадовалась. Рыжеволосый обнял старуху, но та, скривившись, отмахнулась от него. На Элли снова накатила паника, а вывернувшись из многолюдья, она застонала, видя, что Финн по-прежнему шагает возле неё.

— Похоже, все вне себя от счастья, — сказал он. — Может, стоит оставить всё как есть? Какое твоё дело — помогать незнакомцам?

— К моим делам это никакого отношения не имеет. Это вопрос того, что правильно, — сказала Элли.

Финн прищурился.

— Хм. Не думаю, что это настоящая причина, Нелли.

— Его могут казнить, Финн. Невинного мальчишку.

— Ясно. Ты чувствуешь себя виноватой. Так вот почему ты это делаешь!

Элли почувствовала, как у неё заныло в животе. Она сглотнула.

— Перестань, Финн.

Финн широко распахнул глаза.

— Но ведь я угадал, верно? Ты чувствуешь свою вину из-за того, что произошло раньше, и считаешь, что если ты поможешь этому мальчику, тогда всё опять будет хорошо.

— Финн.

— Вот только представить не могу, как ты думаешь его спасать. Не очень-то у тебя это получается, людей спасать.

— Заткнись, Финн! — вскричала Элли, торопливо взбираясь по каменной лестнице, поднимавшейся мимо университета.

— Прости, — промолвил Финн, вспрыгивая по ступеням вслед за ней. — Но просто для ясности, я же прав, верно? Ты пытаешься заглядеть свою вину за то поганое...

Улыбка Финна дрогнула и погасла, когда Элли схватила его за лацканы камзола и притиснула к стене. Побрякушки на шее мальчишки звякнули.

— Слушай меня, Финн, — сказала она, глядя ему в глаза. — Оставь мальчишку в покое.

— Но если я просто хочу помочь? Как я помогаю тебе.

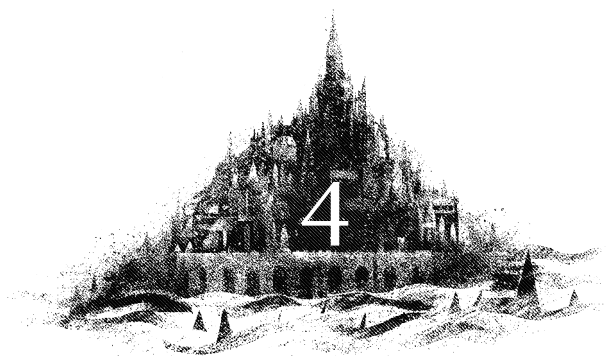
— Мне никогда больше не понадобится твоя помощь.

Она отпустила его, и Финн сполз по стене, ворча из-за расстегнувшихся пуговиц на камзоле. Элли заторопилась вверх по лестнице.

— Иногда, Нелли, — крикнул он ей вдогонку, — мне хочется, чтобы ты была со мной добрее!

Она обернулась и зыркнула на него.

— А иногда, Финн, я мечтаю о том, чтобы убить тебя.

Властители китов

Элли доводилось выходить в море на китобойных судах и видеть Город издали. Он выглядел, как наконечник копья, вонзённый в небо, серовато-чёрный на фоне горизонта. Она старалась не думать об этой невероятной крутизне, несясь по улицам, забиравшим вверх почти вертикально; дыхание спёрло в груди, в горле стоял ком.

— Вы слышали, вы слышали! — горланила какая-то девчонка, в голосе её звенел восторг наполоам с ужасом. — Нашли оного! Они нашли Сосуд!

Элли, которая гроыхала вверх по металлической лестнице, эти слова полоснули по сердцу. Она бездумно бросила взгляд за перила, и ноги у неё сделалась ватные, когда она увидела под собой распростёртый во всех направлениях Город: десять тысяч черепичных крыш,

зеленеющих мхом и, чем ближе к морю, тем гуще белеющих чаячьим помётом. К ним лепились армии статуй — серых ангелов и животных, лица и морды которых, столетиями подставляемые ветрам, дождям и брызгам прибоя, были изрыты, будто оспой. Бывало, шутили, что, мол, статуй в Городе больше, чем людей. Далеко внизу Элли могла разглядеть Кроличьи норы, лабиринт узких кривоколенных улочек, где в лепящихся друг к другу домишках некогда бок о бок жили сразу сотни рыбаков — пока Враг не сжѐг разом весь квартал.

Элли, запинаясь, вскарабкалась по лестнице вверх по последней улице и вышла на площадь Св. Ефрема, высшую точку Города. Белоснежные особняки выстроились по её периметру, покрытые позолотой стены зданий гильдий и советов сверкали на солнце, посреди площади высился вычурный фонтан, украшенный скульптурными дельфинами. Здесь было почти красиво. Почти.

Цитадель Инквизиции вздымалась в конце площади. Корпус её составляла сотня зубчатых чёрных шпилей, лепящихся друг к другу, подобно трубкам органа, и вырастающих вверх посредине. Вход в основании здания был обозначен широкой аркой, над которой толпились серые безликие статуи — тесный ряд взявшихся за руки мужчин, женщин и детей пялил вниз пустые глаза.

На самом верху, иссечѐнный из белого мрамора и отбрасывающий тень через всю пло-

щадь, стоял молодой мужчина. Прекрасный лицом и взбитыми волосами скульптурный муж в высоту был не меньше, чем кит в длину. В руках он держал младенца.

Золотые буквы у основания статуи слагались в такие слова:

**В РУКИ СВОИ ОНЫИ ЗАБЕРЁТ
ДАЖЕ НЕВИННОГО**

Когда Элли была ребёнком, она думала, что мужчина с заботой смотрит на дитя и держит его очень бережно. Статуя казалась ей чудесной. Лишь позднее она поняла, что мужчина был Врагом, а младенец — Сосудом.

Она взбежала по ступеням Цитадели к двойным дверям. Две алебарды опустились прямо перед ней, и, запнувшись, она едва не полетела назад.

— Нет входа в Цитадель Инквизиции.

— Но мне нужно поговорить с инквизиторами.

— Нет входа в Цитадель Инквизиции.

— Но...

— Элли, что ты делаешь? Ну-ка, спускайся оттуда!

Элли крутанулась на месте. Она так стремилась попасть в Цитадель, что совершенно не заметила стоявшую неподалёку плотную группу спорящих мужчин.

Пришлось бы потрудиться, чтобы отыскать, да хоть во всём Городе, группу более несходных

между собой людей. Одни, разряженные в пух и прах, кичились дорогими шёлковыми рубашками с пышными рукавами и причудливо напояженными усами. Другие — мускулистые верзилы, чьи натруженные в море голые руки напоминали сплетение железных прутьев. Кто-то был в камзоле, кто-то в мехах. Один обмотал вокруг шеи, наподобие шарфа, чучело угря. Другой водрузил на голову деревянную шляпу в форме корабля.

Высокий широкоплечий мужчина неловко поднимался к ней по ступеням. У него были шоколадная кожа, короткая чёрная бородка и усы, а одет он был в волочащееся по земле пальто из красного мятого бархата¹. В руке он держал трость, сделанную из бивня нарвала, а на его плечи была наброшена лохматая волчья шкура, голова которой свисала набок.

— Они забрали моего друга... — захлёбываясь, начала девочка, но прежде чем она успела высказать что-либо ещё, мужчина подхватил её одной рукой и понёс вниз по ступеням.

— Эй, поставь меня! — закричала она, когда всё завертелось перед её глазами. — То есть, сэр, будьте добры, поставьте меня на землю?

Её аккуратно поставили у подножия лестницы. Властитель Кастион приподнял одну бровь.

— Повторяй за мной, — негромко проговорил он. — Он тебе не друг.

¹ Мягкий бархат специально скручивают ради переливчатого эффекта разнонаправленных ворсинок.

— Ладно, — признала Элли. — Он не... но они совершают огромную ошибку. Он не Сосуд.

Кастион бросил взгляд на Цитадель, а затем приложил палец к губам.

— Элли, он суть Сосуд до тех пор, пока Инквизиция не опровергнет это. И до тех пор он тебе не друг и никогда им не был, понятно? Ты бедолагу в глаза не видела.

— Но я его видела, — возразила Элли. — Я спасла его из кита! А когда он не мог дышать, я...

— Элли, — промолвил Кастион, присев на корточки, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. — Инквизиторы зададут ему вопросы и устроят испытания. Если будет доказано, что он Сосуд, его сожгут заживо на этой самой площади. Или того хуже. Так что, прошу тебя, обещай, что ты не станешь влезать в это дело.

Элли была поражена его серьёзным тоном. Кастион обычно был настоящий добряк, всегда готовый и пошутить, и посмеяться.

— Я не стану, — немного поколебавшись, со-врала она.

Кастион снял кольцо, одно из многих, что унизывали его пальцы, и показал ей. Это кольцо было серебряное, с маленькой эмблемой раздвижного гаечного ключа, личного символа её матери.

— Я не прощу себе, если с тобой что-нибудь случится, — сказал он. — Враг не захватывал Сосуд уже более двадцати лет; тебе неизвестно, како-

во это, когда оный на воле. Улицы пропитаны недоверием. Друзья отворачиваются от друзей. Город скоро сделается совершенно иным.

Кастион впился в неё долгим взглядом, и она неловко кивнула.

— Неужели теперь время якшаться с беспризорниками, Кастион? — раздался ехидный голос. Другие властители китов прекратили свой спор, тот, на чьей голове красовалась модель корабля, презрительно смотрел на Элли.

Кастион вздохнул и выпрямился, упёршись в свою трость. Ногу он потерял, будучи ещё юношей — если верить слухам, её откусила акула. Мать Элли построила для него механическую ногу, которая тикала, как часы, всякий раз, как он делал шаг.

— Прояви немного уважения, Арчер, — промолвил Кастион. — Это дочь Ханны Ланкастер. Она уже два года чинит твои гарпунные ружья.

— Так вот почему они постоянно ломаются, — сказал властитель Арчер. — Проклятые штуковины мажут в половине случаев. Девчонка явно матери и в подмётки не годится.

Элли почувствовала, как у неё запыльхали щёки. Она отошла за спину Кастиона, держась за рукав его пальто. Кастион сжал её руку.

— Забавно, — небрежно заметил он. — Они никогда не мажут, когда из них стреляю я.

— Мы обсуждали важнейший вопрос, когда тебя ветром сдуло, — сказал Арчер. — Или ты даже и не слушал?

— Приношу мои самые искренние извинения, — отвечал Кастион. — Тяжело принимать всерьёз того, кто носит на голове корабль.

Арчер скривил губы. Тут раздался грохот, и все повернулись к Цитадели Инквизиции.

Из дверей вылетел Харграт.

— Ага, инквизитор Харграт, — сказал Арчер. — На ловца и зверь бежит. Один из ваших людей заявил нам, что нам не дозволяется забрать кита с крыши Св. Варфо.

Харграт прошагал мимо с утомлённым и озадаченным видом.

— Послушай, Киллиан! Что всё это значит?

Харграт на мгновение остановился, затем развернулся, словно издёрганный отец, втолковывающий настырному ребёнку.

— Внутри этого кита жил Сосуд.

— Выходит, он был сосудом для Сосуда, — пошутил самый молодой из китовых властителей и нервозно захихикал. Похоже, он без особого успеха пытался отрастить себе усы, как у остальных, — в результате казалось, что он приклеил себе на лицо ключья собачьей шерсти. Под недобрыми взглядами других властителей китов он покраснел.

— Это не предмет для шуток, Дункан, — сказал Арчер, снова поворачиваясь к Харграту. — Ведь это ты извлёк Сосуд из животного, верно? И что же этому отличному китовому мясу пропадать?

Харграт пожевал язык.

— Кит отравлен присутствием Сосуда и не годится в пищу.

— Да, но послушай, — продолжал Арчер, подойдя поближе к Харграту. Мужчина был значительно ниже ростом и тощее Инквизитора, и Элли подумала, что он должен быть или очень храбрым, или очень глупым, раз подходит так близко. — Животное такого размера стоит уйму денег. Двадцать бочек китового жира — и это самое меньшее, а уж мясом можно неделю кормить целый квартал. Мы властители китов — и это наше дело ловить китов.

— Этого кита поймали не вы, — прорычал Харграт, — а часовня.

— Это мелочи, — отмахнулся Арчер. Кажется, он хотел что-то прибавить, но вдруг неожиданно смолк — Харграт положил ладонь на голову властителя китов.

Голос Арчера взвился на целую октаву.

— Да что ты себе думаешь... — начал он.

Одним молниеносным движением Харграт снял шляпу с властителя китов. Он ухватил её своей широкой рукой в перчатке и сжал, разломив на мелкие щепочки. Арчер глазел в совершенном ужасе.

— Н-ну-ка, п-послушай, у меня н-немало влиятельных друзей, — выговорил он, отчаянно заикаясь.

— И среди них есть Инквизиторы? — поинтересовался Харграт.

— Нет, но...

— Тогда у тебя нет влиятельных друзей.

— Господа, — сказал Кастион, вставая между Харгратом и Арчером. — Нет причин ссориться. — Он положил руку на плечо Харграту.

— Не трогай меня, — зашипел Харграт с таким ядом в голосе, что Элли удивилась, как это он не пронзил Кастиона насквозь своим мечом.

— Что ты такой взвинченный, Киллиан? — спросил Кастион. — Сосуд пойман. Разве это не повод возрадоваться?

Харграт раздосадованно зыркнул на него.

— Верховный Инквизитор проводит собственные испытания над мальчишкой. Пока не доказано, что он является Сосудом, нет никакого повода для радости.

Кастион тепло улыбнулся.

— Но если Враг придёт снова, ты можешь просто убить оного, разве нет? Как в прошлый раз.

Харграт уставился на Кастиона с выражением беспримесной ярости в глазах.

— Да, мы с тобой в надёжных руках, Харграт! — воскликнул молодой властитель китов с клочковатыми усиками. Харграт зарычал и шагнул к нему, и лицо повелителя китов разом сделалось пепельным.

Кастион поспешно похлопал Харграта по плечу.

— Он ничего такого не хотел сказать, Киллиан. Неудачно выразился, только и всего. Ну и будь уверен, мы к киту не прикоснёмся, сле-

дую твоему приказу. — Он сопровождал глубокий поклон той самой сверкающей улыбкой, что сделала его любимцем всего Города. — Гильдия властителей китов существует для того, чтобы служить народу. И мы благодарны Инквизиции за всё, что она делает, чтобы оградить народ от опасности.

Харграт нахмурился.

— Вы существуете, чтобы служить самим себе. И потому лишь, что это позволяет Инквизиция. С приливом вы отбуксируете этого кита на пять миль¹ в море, и пускай он там и затонет. И если я услышу, что кто-то из вас хотя бы кожу снял с его хвоста себе на мудрёный камзол, я засажу его в камеру где-нибудь в безрадостном закоулке Города, где он станет гнить, пока родная семья не позабудет, как его звали.

Он зашагал прочь, оттолкнув Элли в сторону.

— Тебе стоит убраться в местечко потеплее, Ланкастер. Ты околеешь от холода в своих мокрых одежках. — Тут он примолк, и неприятная улыбка скривила его губы. — Впрочем, если промедлишь здесь достаточно долго, непременно дождёшься большого костра.

С этими словами он прошествовал через площадь и исчез среди улиц.

Властители китов снова принялись препираться, споря о том, кому предстоит отбуксировать кита в море. Элли же тем временем

¹ Морская миля составляет 1852 м.

смотрела на Цитадель Инквизиции, пытаясь вообразить, каким испытаниям подвергают там Сифа; воображение её рисовало жуткие пыточные инструменты с острыми наконечниками и зазубренными лезвиями. Она гадала, каким способом можно спасти его — нет ли секретного пути в Цитадель из канализационных туннелей под ней. «Ей нужно свериться со строительными планами в своей библиотеке», — решила девочка и тихонько ускользнула, воспользовавшись тем, что Кастион отвлёкся.

Однако Финн дожидался на углу и встретил её той милой ангельской улыбкой, которую она просто ненавидела.

— Прошло не очень хорошо, да? — сказал он.

— Нет, — огрызнулась она, не удостоив его даже взглядом. Он поскакал вслед за ней, побрякушки, болтавшиеся у него на шее, весело побрякивали при каждом шаге.

— Так, значит, они убьют его? — спросил он.

— Они проводят испытания. Но, вероятно, да.

Финн затряс головой:

— Как ужасно.

Вверх и вниз по рыночной улице прогуливались толстосумы, вышедшие за утренними покупками. Аристократы, торговые бароны, хирурги и законники, облачённые в камзолы из мягого бархата и пальто, отделанные мехом тюленей или рыжих лисиц с охотничьих островов. Вместе с ними ходили дозором на высоких

каблуках их супруги, увешанные нитями жемчужин. Финн, пышущий здоровьем, розовощёкий, с чисто вымытыми золотыми локонами и весело поблёскивающими глазами, мог сойти за одного из их отпрысков.

— В такую минуту хорошо иметь рядом того, на кого можно положиться, — обронил он. — Кого-то умного и достойного доверия. Разве ж Анна тебе поможет? А насколько мне известно, у тебя нет других друзей.

— Я не нуждаюсь в твоей помощи, Финн.

— Ох, — проговорил он, явно пав духом. — Ты хочешь сказать, что сама измыслила способ спасти мальчишку?

— Я что-нибудь придумаю.

Финн понимающе кивнул.

— Да, я уверен, ты найдёшь способ спасти его, Нелли, ты же такая умная. Я убеждён, что ты отыщешь способ выволить мальчишку, посаженного под стражу в наиболее тщательно охраняемом здании Города.

— Он не останется там надолго. Если они решат казнить его, это будет прилюдно.

Финн звонко притопнул ногой по каменной мостовой.

— Что же, это превосходно. Ну, разумеется — ты сможешь запросто умыкнуть его прочь от беды на глазах у десяти тысяч зевак! Проще простого!

Увернувшись от грузённой влажно поблёскивающей макрелью повозки, которую тянули

за собой два торговца рыбой, Элли снова ускорила шаг.

— Ты думаешь, они проявят милосердие? — спросил Финн. — Я что-то сомневаюсь. Они захотят показать всем и вся, как мучается Сосуд. Извини, Нелли, — наверняка тебе будет нелегко на это смотреть. Мне ужасно жаль. Думаешь, они поступят с ним, как с двадцать девятым Сосудом? Крючья и крысы? Или, может, окунут его в свиную кровь и выбросят на съедение акулам?

— Они его сожгут.

Финн вздохнул:

— Что ж, это определённо не самое плохое, что они могли бы сделать. Уже что-то. Может, не стоит из-за этого так огорчаться?

Элли проскользнула между высокими аристократами, кое-кто из них при этом недовольно сморщил нос. В верхнем Городе жили лишь самые богатые, и Элли, в её мокрой и рваной одежде, заляпанной краской и жиром, с исцарапанными и покрытыми синяками руками, выглядела здесь на редкость неуместно.

В эту минуту на рыночную площадь вылетела раскрасневшаяся женщина, шею которой и видно не было под рядами сияющего жемчуга.

— Они нашли оного! — закричала она. — Они нашли Сосуд!

Аристократы утратили всё своё самообладание. Один подбросил в воздух лисью шкуру, другой запел во весь голос. Элли вздрогнула

и скользнула в безлюдный проулок, но Финн, посмеиваясь, рванул за ней.

— Право слово, — сказал он, задыхаясь, — можно подумать, ты пытаешься улизнуть от меня.

— Да, пытаюсь!

Элли вытянула из привязанного к ремню кошелька шар размером с каштан и с силой швырнула его между ними двумя. Раздалось шипение, и вверх поползло облако серого дыма, наполняя переулок резким и едким запахом.

Убегая по мостовой, Элли слышала возмущённые крики Финна:

— Думаешь, этот фокус со мной сработает, Элли? Думаешь, я тебя не смогу найти? Отлично, ОТЛИЧНО! Покинь меня снова, оставь меня совсем одного! Это у тебя хорошо получается. Но я скоро тебе понадобится, вот увидишь!

Из дневника Клода Хестермейера

Я отступил назад, к стене. Я пытался заговорить, но слова не приходили.

— Клод, это я, — сказал Питер.

— Нет, — прошептал я. — Нет, не может быть.

Питер умер. Он умер у меня на глазах.

— Да, я умер, — сказал Питер.

— Убирайся.

— Клод.

— Убирайся вон! — завопил я. — Чем бы ты ни был, УБИРАЙСЯ!

Я потянулся за первым, что подвернулось под руку, — это была чернильница. Я швырнул ею в Питера, но промазал. Чернильница будто просвистела навывлет прямо сквозь него, забрызгав чернилами мои книги, мои полки, мои половицы. Но отчего-то на его крахмальной серой рубашке не было ни пятнышка.

Я смотрел на него в недоумении. Я привалился к письменному столу.

— Мне нужно... мне нужно отдохнуть. Мне уже мерещится непонятно что.

— Я настоящий, Клод, — сказал Питер. — Вполне настоящий. Подойди и позволь мне доказать тебе это.

Он протянул мне свою руку. Я заколебался, но потом взял её. Его рукопожатие было крепким и тёплым.

— Но как же чернильница? — спросил я.

— Это просто чернильница. — Он накрыл мою руку своей второй ладонью. — Мы связаны вместе, ты и я.

— Но... ты же иллюзия. Ты внутри моей головы. Ты не настоящий.

— Нет, я настоящий, и я внутри твоей головы, — сказал Питер. — Я сам вошёл туда.

— Ну, значит, выйди обратно! — вскричал я, выхватывая руку из его ладоней. Смотреть на него мне было невыносимо. Глаза у него были холодные и безразличные, тогда как глаза Питера были ласковые и сострадающие.

— И снова, боюсь, данное соглашение не позволяет подобного.

Я принялся шарить в своём столе в поисках бутылки, которую я держал в нём. Перед глазами у меня плыло.

— Не желаешь ли... не желаешь ли немного виски? — сказал я, садясь. — Или оно прольётся через тебя насквозь?

— Боюсь, я даже не смогу поднять стакан, — сказал Питер. — Если только ты не попросишь меня об этом.

Я спрятал лицо в ладонях. Моё сердце болезненно колотилось.

— Ты настоящий, но ты в моей голове. Ты в моём кабинете, но в реальности ты вовсе не здесь. Ты можешь передвигать предметы, но только если я прикажу тебе.

Питер кивнул.

— Ты знаешь, что это означает, верно?

Я знал. Я знал признаки лучше кого-либо — до того как настал этот роковой день, моя научная работа была посвящена изучению истории Врага.

Я пригубил виски и не сводил глаз с мужчины, который некогда был моим другом.

— Это значит, что я — Сосуд.